Часть первая

Купцы собирались в рейс.
Целовали жен да детишек.
Один взял жеваный кейс
И пару потрепанных книжек.
Он их родил между дел —
На улицу вывернул шкурой.
Чудак стукануть хотел
В небесную прокуратуру.

Сыты желудок и бак,
Камазик гремит тарантасом;
Месяц — кривой вурдалак —
Как бы моргает атасом.
Как будто хочет сказать,
Поведать купцам опоздавшим:
Обнять холодную мать
И взять на дорожку калашник.

Месяц, ты тертый калач,
Сиделец любого острога...
По звездам вбуримся вскачь
И все уповаем на Бога.
Он здесь (между ребер!) ждет,
Газует в прожекторах сердца.
Не нужен купцу пулемет;
Пустите, ребята, погреться.

Машины, машины в Русь...
Ползут железяки нахрапом.
Над Владиком есть Исус,

Висит над Самарой Распятый.
А как же тот экипаж
Купцов с заводского района?
Мною взята в карандаш
История без протокола.

Месяц смеялся — жиган,
Месяц гудел трубадуром:
Знал гад, где ладят капкан
Разбойники сгорбленным фурам.
Серпастый смылся... Луна!
Проклятье царя Годунова:
Тогда... впрягали коня,
Сегодня — бак тристаголовый.

Друзья, прослушайте сказку —
Дорожную карабаску...

Часть вторая

В зачарованном царстве,
При червонном начальстве,
Жили-были ребята —
Шофера-жигулята.
Перестройка пришла —
Заюзила юла.

Потянулись орлята:
Кто в тюрьму, кто в солдаты.
Задрожали заводы,
Как на дне пароходы.
Он подался в купцы —
Запрягать огурцы.

Худо-бедно держались
На поруках державы.
Обросли дальняками,
Прохудились боками.
Но теперь кто как смог —
Из друзей один Бог.

Но приступим к рассказу,
Как Нептун к водолазу.
В шторме этом ответы —
Из ларька сигареты...
Не хотел вспоминать
Он фартовую тать.

Он хотел все и сразу,
Без ружья и приказу.
Как на Волгу ходили
В Пугачевские зыри...

Что ль, авось, пронесет:
С нами правда и счет!

В кейсе влага и книжки,
Да родные коврижки.
Гнут ребята Рязанью —
Чумовой партизанью.
Месяц рядом плывет,
Как полуторный гроб.

Но однажды устали
Упираться в педали
И спокойно уснули
(Без снаряда и пули).
Этот... день на войне —
Позабыть бы вдвойне.

Только... если помру, —
Кто пугнет детвору?

Часть третья

Спят тревожно брателлы!
Видят сонные рыбы:
Будто месяц горелый
Лезет в спальню к любимой...
Юнга хочет проснуться,
Но в окно чья-то бутса.

Зазвенели приклады
О камазика ребра,
Уже делят мулаты
Того месяца ведра.
Уже тащат, сосут
И считают за пуд.

Он налил им водицы —
Кровь вчерашнего юнги:
Она льется в страницы,
На обложку, в окурки.
Книга эта (постой!) —
«Где-то там, за грозой».

А купец наш бедовый,
Что с грозой обручился,
Все плевал на оковы,
Все заглядывал в лица.
И спросил тот пиит:
«Дядя, дай закурить.

Дядя, будешь нас резать —
Бога в ребрах тревожить —

Или сразу с обреза
Освежишь чью-то рожу?»
Парень верно сказал:
«Ни хрена не видал».

Душегубы молчали,
Как пустые бутылки.
Только ветер плечами
Шевелил на затылке
Дырку в черепе, мух
И полезный лопух.

Слышно было болезным,
Что о чем-то особом
Совещалися честно
Атаман с твердолобым.
И решил тот союз:
Взять не жизни, а груз.

Бог помог, а иначе
Засапожник под ребра,
Или пули отдачу
Замели б у забора...
В километре посты —
Удалые менты.

Инда гладят живот,
Как мой дед пулемет.

Часть четвертая

Купцы зазвездили домой —
В обратку, несоло... хлебавши,
По ребрышкам, вместе с Луной —
Сестрой всем обиженным, павшим.
Летит непечатное слово
В Бориса-царя... Годунова?!

Позвольте! Не все ли равно,
Какая на улице смута?
Такое не кажут в кино:
Эпоха Шагала иль Брута...
На фурах багровые титры:
«Царевича звали Димитрий!»

Водителям нашим — беда:
Сгубили казенные гроши...
Простят ли купцов господа —
Вопрос на сегодня хороший?
А юнгу трясет лихорадка
От крови потерянной. Сладко!..

Мелькал он, как рваный сапог,
Жирафил в дырявом окошке.
Камазик пыхтел — пароход,
Смеялись они на порожке.
Смотрели вослед виновато
Лишь прапор да глаз автомата.

Привет, пароходик! Земля,
Церквушки на взгорках любимых.
Вкрутила камазик юла
В свои купола и калымы.
Все это знакомое, наше:
Здесь всяк пятихаткою машет.

Но есть и такие друзья,
Которые вслед тебе плюнут.
Ловили они карася,
Пока мы ловили фортуну.
Суют как бы правую руку,
В рукав запуская гадюку.

А юнге — зашили башку,
Турнули луну-недостачу.
И я вам, ребята, скажу:
У нас не могло быть иначе.
В шкафу улыбается книжка —
В крови, как дворовый парнишка.